

Ведущий с большой дороги

Андрей Караулов вчера, сегодня...

Алексей ФИЛИППОВ

Героем нашего времени этот человек считался по праву. Умеренные недоброжелатели называют его олицетворением нового телевидения, враги — отражением всей постперестроечной журналистики. А заклятые враги утверждают, что в нем с редкой полнотой воплощена пагубная суть новой жизни: на широкие телеобозревательские массы слово «Караулов» действует, как красная тряпка на быка.

Несколько лет подряд, когда он был одной из центральных фигур нашего телевидения, его не пинали только ленивый. Он был груб, нагл, циничен, он задавал совершенно непозволительные вопросы — Караулов делал в эфире что хотел и с удовольствием пользовался бесплатной рекламой, которую ему давала негодующая пресса. У него был собственный имидж: работая на грани фола, он создавал образ ведущего-грубияна, бультерьера от журналистики, в два счета выпускающего собеседника внутренности и выуживающего из него всю подноготную. От поношений телевизионной критики виртуальный Караулов креп и здоровел.

Наши телезвезды живут с четким ощущением собственной неповторимости. Их популярность не идет в сравнение ни с какой другой, они образуют особую, замкнутую на самое себя касту... Беда в том, что многие из них вполне взаимозаменяемы. Беседы стали проклятием голубого экрана: говорящие головы заполнили все каналы и оприходовали всех сколько-нибудь заметных людей. При этом один интервьюер мало чем отличается от другого: все те же кисло-сладкие вопросы, все те же слаженные ответы. Фамилии среднестатистических ведущих зритель не помнит: один выделя-

ется бородкой, другой — усами, третий — волосами до плеч... А наш герой, специализировавшийся на подвохах, наездах и оскорблениях, превратил самого себя в телевизионный жанр. Грубость стала его товарным знаком, из-за революционной прямоты суждений он полюбился недоверчивому и растерянному постсоветскому народу — начало — середина девяностых годов оказались звездным временем Андрея Караулова.

Театровед не профессия для молодого, полного сил и амбиций мужчины. Сперва выпускник ГИТИСа писал о хронотопе в спектаклях Товстоногова, затем начал брать интервью у бывших и действующих политиков. В нем билась бешеная энергия, ему смертельно хотелось состояться. Мальчик из простой семьи чувствовал себя чужим в профессиональном мире: делая карьеру, Андрей Караулов совершал собственную революцию. Очень скоро он оставил за спиной тех, кто поглядывал на него сверху вниз. Заканчивалась советская эпоха, поколение победителей выковывалось в хождениях по редакциям, безвестности и безденежье, мучительной боли за бесцельно прожитые годы. Одновременно с Карауловым пробивался другой театровед, немолодой уже человек, забавный, но чересчур настырный неудачник, некто Александр Минкин...

В первый раз наш герой женился на дочке помощника Гришина, во второй — на дочери драматурга-перестроечника Шартова. Пришел на работу в софоновский «Огонек» и быстро возглавил отдел (сатиры и юмора — но это частность). Он много писал, искал сенсационные темы — перестройка дала ему шанс, и он выжал его до последней капли. Из «Огонька» Караулова выставил Коротич — но в журнале «Театральная жизнь»

уже появились его беседы с бывшими советскими бонзами. Он сумел нащупать свою тему и начал сотрудничать с «Московскими новостями». Оброс связями, приобрел имя — и стал редактором отдела культуры «Независимой газеты». Он шел вперед и вверх, начал вести свою передачу на только что возникшем Российском канале — и оставил газету ради телевидения. Его день пришел, его час пробил: Андрей Караулов возглавил собственную телевизионную компанию, выпускающую его собственную передачу.

Умение держать удар, не краснеть, уверенно блефовать, завязывать и поддерживать связи было полезно во все времена, в наше же — оказалось бесценным. К тому же у Андрея Караулова был ярко выраженный дар общения. Когда-то он сумел убедить в своих безграничных связях никому не доверявшего Софронова — и получил хорошую работу. Привел в «Театральную жизнь» идущего избираться в Президиум Верховного совета СССР Ельцина: в восемь утра он был в редакции, в два часа — в Президиуме, а Андрей стал первым автором журнала. Он стал близок Полторанину — позднее тот будет приглашен в «Момент истины» на роли свадебного генерала и громоотвода... Его делали те, у кого он брал интервью, с кем общался и дружил: путь от Аверинцева до Полторанина оказался очень коротким, профессиональная агрессия — избирательной.

С главой банка «Чара» Андрей Караулов был предельно нежен, Ходорковскому — для затравки — сообщил, что как историческое явление он его ненавидит, и дал ему высказаться... Время шло, определялись круг тем и круг общения: «Момент истины» превратился в трибуну для крупных политиков и представителей большого бизнеса, скандал с Дмитрием Якубовским,

ЮРИЙ ШТУКИН

«генералом Димой», в защиту которого Андрей Караулов собирал пресс-конференции, бросил на репутацию телеведущего нежную тень. Караулов стал вальяжен и важен — он превратился в одного из ведущих отечественных тележурналистов, он определял лицо второго канала. Но время охотящихся на свой страх и риск авантюристов-одиночек было уже на исходе.

Вопрос: «Скажите, вы вор?» — хорош, когда кто-то в этом сомневается. Собеседники Андрея Караулова сделали все, чтобы почтеннейшая публика раз и навсегда уверовала в то, что правды на земле нет, — в результате она потеряла интерес к откровениям министров, депутатов и банкиров. Рейтинг передачи снизился, к власти на втором канале тем временем пришла новая, жесткая, вооруженная четкими политическими установками, не желающая упускать текущие в обход бухгалтерии деньги команда. (Слухи о том, что многие гости программы попадали в эфир за определенную мзду, распускали недоброжелатели ведущего — мы, разумеется, их всячески отвергаем.) Вспыхнул грязноватый, много раз пересказанный газетами скандал, «Момент истины» был лишен эфира.

Наш герой не остался без дела: он выпускает и ведет новую передачу на НТВ. «Русский век» занимает сорок пять минут эфирного времени — ведущий общается с выдающимися деятелями науки и культуры. Борис Покровский, Юлий Ким, Александр Володин, Наталья Бехтерева, Армен Джигарханян — Андрей Караулов вернулся к тому, с чего начинал.

Он профессиональный человек и хорошо делает свою программу, но интонации, придающие сюжету ритм и тональность словесного поединка, остались с ним и здесь, где им, вообще говоря, не место. А вот время изменилось: прежний «Момент истины» (как и вся прежняя, динамичная, агрессивная тележурналистика) канул в небытие. Суть новых отношений истеблишмента и голубого экрана проглянула в недавнем интервью вице-премьера Маслюкова РТР в программе «Парламентский час»: такой смиренной, трепетной почительности не было со времен Брежнева. Новое время — новые песни: им в меру сил подтягивает и наш герой.

Суббота, 15.30. В роли гостя «Русского века» выступает санкт-петербургский губернатор Владимир Яковлев. С ним беседует обновленный, восторженный, трепетно

внимающий своему визави Андрей Караулов — почтительно поднятые брови, скорбно приспущенные уголки губ. С благостной миной контрастируют внимательные, злые, скачущие глаза-буравчики.

«Если все дворики обретут такой вид в нашем городе, то уже многие вопросы выглядят будут иначе», — говорит губернатор. И Андрей Караулов радостно кивает: куда ж нам без дворики.

«Значит, надо чем-то будет вот... Думать», — продолжает государственный муж. Андрей Караулов соглашается и с этим.

На экране возникает индустриальный пейзаж, за кадром звучит голос Андрея: «Раньше западные банки давали кредиты под честное слово Лужкова и Ресина. Теперь — под честное слово губернатора Яковлева...» И сердце ведущего не выдерживает, материализовавшись в виртуальных плоти и крови, он восторженно перебивает сам себя: «Неужели просто под ваше честное слово? В такой-то год...» Он не в силах сдержаться, он лунится восторгом: «Кто бы не хотел стать губернатором Петербурга! Чубайс, генерал Пониделко...»

— Собака лает, а караван идет, — тактично заканчивает губернатор.

Прежнее время кончилось, прежняя журналистика умирает; в новых обстоятельствах Андрей Караулов кажется пародией на себя самого. Теперешние небожители не любят случайностей, они играют наверняка. Под контролем должно быть все, в том числе и интонации ведущего. Добро пожаловать в новый застой. Здравствуй, эпоха, из которой, как чертик из коробочки, высочил Караулов.

Жизнь удалась, он богат, известен — в сущности, можно было бы и успокоиться. Но он не будет счастлив, пока перед ним и телекамерой не усядется тот, кто олицетворяет власть, и в эфир не улетит вопрос: «Скажите, вы вор?»

И это лучшее, что можно сказать об Андрее Караулове.